

Внезапно слышались чьи-то шаги, и он прервал свои занятия. Обернувшись, он увидел Хань У в красном одеянии. В сравнении с невинной белизной, страстный и пылкий красный цвет явно подходил ей больше. Сейчас на её лице играла легкая улыбка, а настроение, судя по всему, было неплохим.

— Не ожидала, что у служителей культа может быть хоть какое-то обаяние. Только сейчас заметила, что у мастера Цзы Цзюэ довольно приятное лицо. Если бы мое сердце не было уже занято... я бы действительно не прочь была провести с мастером одну ночь!

Хань У протянула руку, словно желая коснуться подбородка Шан Сююня, но тот легко уклонился, сделав шаг назад.

— Ами табха, грех, великий грех. Мы, монахи, свободны от мирских страстей, прошу вас, госпожа, будьте благоразумны.

Хань У прикрыла рот ладонью и тихо рассмеялась, многозначительно произнеся:

— Если представится возможность, мне бы очень хотелось увидеть мастера Цзы Цзюэ с отросшими волосами. Думаю, из вас вышел бы весьма статный и обворожительный юноша. В конце концов, Будда не в силах избавить человека от всех желаний, мастеру Цзы Цзюэ стоит об этом задуматься.

Слушая доносившееся до ушей монотонное чтение сутр, Хань У почувствовала скуку. Эти монахи всегда любили читать молитвы, когда сталкивались с тем, чего не хотели обсуждать. Надув губы, она развернулась и ушла.

Как только её силуэт исчез, Шан Сююнь прекратил чтение. Он прошелся по своему маленькому дворику и привел в порядок цветы и травы. Он превыше всего ценил покой, поэтому ему не нравилось, когда здесь живет слишком много людей. Как только его тело окрепло настолько, что он мог обходиться без посторонней помощи, он попросил Янь Луна отозвать служанок.

Закончив с садом, он по привычке вернулся в свою комнату и погрузился в медитацию.

Не прошло и много времени, как он внезапно ощутил в комнате присутствие другого человека и открыл глаза.

— Брат Лун. — Шан Сююнь поднялся, глядя на стоящего рядом мужчину. От того исходила аура, еще более ледяная, чем в прошлые дни. Такое он видел лишь однажды — когда впервые пришел в себя. Тогда холод был столь пронзительным, что казалось, можно почувствовать запах крови. — В поместье что-то случилось?

— Цзы Цзюэ, не беспокойся, это лишь пустяки. — Янь Лун на мгновение задумался, и его

взгляд, темный и нечитаемый, скользнул по лицу Чжун Юня. Это утонченное лицо, освещенное солнечным светом, действительно напоминало лик статуи Будды в храме.

— Просто в ближайшее время тебе лучше не покидать поместье. Твое тело еще не восстановилось, и если возникнут какие-то осложнения, боюсь, это помешает твоим дальнейшим занятиям боевыми искусствами. — Тон Янь Луна оставался холодным, как обычно, но в словах сквозила забота, от которой на душе становилось теплее.

Шан Сююнь слегка опустил веки. Определенно, что-то произошло. Иначе они не вели бы себя так странно. Они всё знали, и только он один оставался в неведении — это чувство было крайне неприятным.

Положив руку на пояс, он посмотрел в окно на темнеющее небо. Его красивые персиковые глаза слегка прищурились, отгоняя ореол святости и придавая лицу выражение некой порочности. В этом он ничуть не уступал Хань У.

Янь Лун восседал на высоком троне. По обе стороны от него, в главном зале, почтительно стояли защитники Дхармы Демонического культа, старейшины и главы филиалов. Многие невольно склонили головы, выказывая смирение.

— Глава, праведники вновь собрали людей, пытаясь спасти тех отбросов, которых мы лишили боевых навыков. Если бы нам не требовалась рабочая сила для восстановления культа, мы бы давно не оставили их в живых. Теперь, когда они узнали, что те люди еще не мертвы, эти лицемеры из праведных сект наверняка сделают всё возможное, чтобы их вызволить! — с гордостью заявил один из глав филиалов. Теперь, когда их глава стал так могуществен, у членов культа прибавилось уверенности.

— О? Опять те, кого собрал Глава Союза боевых искусств Му Линьцин? — Янь Лун вертел в руках нефритовую подвеску. Белоснежный нефрит высшего качества. Глядя на него, он невольно вспомнил того, кто сейчас жил в его поместье. В прошлой жизни он признал его близким другом из-за его почти глупой доброты. Теперь, встретившись вновь на другом жизненном пути, он стал подобен тщательно отшлифованному необработанному камню, постепенно обретающему новый блеск. Нужно признать, Чжун Юнь идеально подходит для Храма Шаолинь.

Внезапно осознав ход своих мыслей, Янь Лун криво усмехнулся, и в его глазах промелькнули багровые искры. Добро и зло всегда непримиримы. Пальцы инстинктивно сжались, едва не раздавив нефрит, но в последний момент он остановился.

— Да. — Глава филиала торопливо закивал, словно боясь, что если сделает это медленно, Глава не обратит на него внимания.

— Поистине, досадный субъект... — произнес Янь Лун, и никто из присутствующих не посмел возразить — напротив, многие согласно закивали.

— Что ж, подождем, пока они поднимутся на гору... Не забудьте как следует принять этих рабов. — На его холодном лице промелькнула улыбка, от которой не веяло теплом — лишь леденящим душу ужасом. — Впрочем, ваша эффективность, признаться, радует меня.

Главы филиалов переглянулись. Хотя Глава сказал, что доволен, его явное недовольство было очевидно всем. Они начали лихорадочно вспоминать, где допустили ошибку, а те, у кого были свои тайные замыслы, занервничали.

— В этот раз героев боевых искусств созвал не Му Линьцин, а поместье Улю. Похоже, с нашими местными силами действительно пора навести порядок. Если вы не можете разузнать даже такие мелочи, зачем вы вообще нужны?! — Хань У тоже была недовольна. Она с легкостью выяснила правду, приложив минимум усилий, а эти подчиненные — нет. Не разобравшись в ситуации, они посмели докладывать Главе — какая дерзость.

Тот самый глава филиала, который спешил выслужиться, покрылся холодным потом и поспешил отступить, мечтая провалиться сквозь землю.

Янь Лун взмахнул рукавом и покинул трон, направившись в свои покои в главном алтаре. Помещения были полностью перестроены — всё, что принадлежало прежнему главе, он уничтожил до основания. И всё же, несмотря на это, он проводил больше времени в роскошном поместье, чем в величественном алтаре.

Внутренняя сила в его теле циркулировала всё быстрее, бурля, словно полноводная река, готовая разорвать меридианы. Но на деле она лишь укрепляла их, позволяя телу выдерживать еще большие нагрузки. Какая бы яростная ни была энергия, в руках хозяина она оставалась лишь острым клинком. Однако наслаждаться покоем ему пришлось недолго — в дверь постучали.

— Войди! — Янь Лун остановил циркуляцию, и яростная мощь в одно мгновение успокоилась, потекла по привычному руслу.

— Глава, те самоуверенные праведники уже начали проникать в культ. Не знаю, стоит ли нам дать им прямой отпор или же тихо... — Хань У сделала жест, означающий перерезание горла. Внутри культа, конечно, были слуги для подобных докладов, но с тех пор, как она поняла, что Глава не против её общества, она взяла эти обязанности на себя. Хотя это было несколько ниже её достоинства, ей это приносило радость.

— А ты как думаешь? — Янь Лун слегка прищурился. Эти праведники ради своей так называемой справедливости готовы на всё. Разве засады — не удел таких злодеев, как они? — Помни, оставь в живых тех, кто должен остаться.

— Слушаюсь! — Хань У опустила голову, чувствуя себя немного глупой. Будучи праведниками, они сами выбрали путь нечестной борьбы. А как люди Демонического культа, они, конечно, выберут способ с наименьшими потерями. Она поспешила удалиться, чтобы всё организовать, но, уходя, заботливо прикрыла за собой дверь.

Игра началась. Но вот финал... сможет ли он соответствовать замыслу кукловода, или же всё обернется против него самого?

В ночи лишь полная луна едва освещала фигуру в черном. Эти люди то появлялись, то исчезали в темноте, и свежий воздух постепенно пропитывался запахом крови.

Мастер Ляоу стоял у подножия горы, но в итоге все же повел учеников Шаолиня вверх. Что стоят принципы благородного мужа в сравнении с сотнями жизней? По возвращении он обязательно принесет покаяние перед Буддой. И вот, новая партия людей в черном поднялась на гору...

Шан Сююнь смотрел в ночное окно. И правда, ауры, скрывавшиеся в тени поместья, почти исчезли. Это означало, что в культе что-то стряслось. Сопоставив это со словами Хань У, несложно было догадаться, что началась очередная битва между добром и злом, и, скорее всего, именно он стал её искрой.

Говорят, красота — это бедствие, похоже, в этот раз он сыграл роль рокового красавца.

Очевидно, что праведники снова оказались в пассивном положении. Надеюсь... они не погибнут слишком жалко. Шан Сююнь задул масляную лампу, и комната погрузилась во тьму. В эту беспокойную ночь, пожалуй, только он спал безмятежно. Сколько людей лишится жизни — его это не касалось.

Янь Лун чутко прислушивался: его мастерство позволяло легко услышать, что многие уже отправились к праотцам. Кто-то был из праведников, кто-то — из учеников культа, но он не чувствовал ни капли сожаления. Ученики, не способные справиться даже с такой простой ситуацией, заслуживали смерти.

Человек в черном бесшумно появился в комнате Янь Луна и почтительно доложил. Янь Лун, до этого момента казавшийся равнодушным, оживился. Он приказал отправить в бой еще один отряд. На самом деле, стычки с праведниками его не интересовали. Но опозорить человека — это было именно то, чего он желал больше всего.

Что сейчас важнее всего для Чжун Юня? Любовь, которую он бережно хранит в памяти, или же уважение, которым его окружает Храм Шаолинь?

Мастер Ляоу, ведя учеников, едва приблизился к культу, как услышал звуки битвы. Очевидно, их проникновение было раскрыто.

— Амитабха. — Мастер сложил ладони в молитвенном жесте и первым использовал цингун, чтобы ворваться внутрь. Как он и слышал, праведники уже сражались с культистами. Ученики культа явно имели преимущество, но его прибытие могло всё изменить.

Для мастера уровня Ляоу низшие ученики культа были лишь досадной помехой. Его четки вращались в руках, и даже без оружия никто не смел его недооценивать.

Однако чем дольше длился бой, тем суровее становилось лицо мастера. Культисты явно были готовы к их приходу, в их глазах читалась насмешка. Мощные стены Демонического культа всё больше напоминали огромную сеть, а они — добычу...

Только он хотел нанести удар, как путь ему преградил человек в черном. Стоило им обменяться ударами, как он тут же отступил. Мастер Ляоу нахмурился: перед ним был мужчина в золотой маске. Хотя она скрывала половину лица, по острому подбородку было видно, что он молод. А в культе лишь единицы обладали такой силой в столь юном возрасте.

Мастер Ляоу отступил на несколько шагов, прежде чем обрести равновесие. Он сложил ладони у груди, не сводя глаз с противника. Ученики хотели помочь ему, но он жестом остановил их. Даже он не был уверен в победе, а их вмешательство означало бы верную смерть.

Янь Лун едва заметно усмехнулся и внезапно сменил стиль боя. Это был не его обычный прием — движения напоминали стиль самого Ляоу, отчего того охватил ужас. Стиль можно скопировать, но внутренняя сила, сменившая коварство на священную мощь Шаолиня... Этот человек владеет их искусством?

Это уже не просто личный вопрос — это угроза репутации всего храма. В мире боевых искусств приемы каждого ордена — их визитная карточка. Если люди культа действительно изучили их искусство, то имя Шаолиня...

— Мастер Ляоу не так силен, как я ожидал, разочаровываете. А ведь тот человек так вас почитал. — В голосе Янь Луна звучала насмешка. Он смотрел на мастера, которого вновь тяжело ранил. В прошлый раз тот проиграл в честном бою с культом, а теперь — от рук, использующих их же мастерство. Интересно, что он сейчас чувствует?

Убивать Ляоу он не собирался — без важных актеров спектакль не состоится. Двух тяжелых ранений было достаточно, чтобы нанести телу мастера непоправимый урон. Даже если он оправится, в этой жизни ему уже не достичь новых высот в боевых искусствах. Так... будет лучше!

Ученики Шаолиня поспешили подхватить потерявшего самообладание мастера. Тот долго молчал, прежде чем тяжело вздохнуть:

— Боевые искусства Шаолиня нельзя передавать чужакам!

— Амиабха, старейшина Ляоу.

— Дядюшка Ляоу...

Ученики вокруг, осознав это, смотрели на Янь Луна с еще большей ненавистью. Монахи милосердны, но не ко всем. Будда когда-то отдал свое тело на съедение орлу, но он также мог использовать силу, чтобы остановить зло.

Однако Янь Лун не обращал на них никакого внимания. Свободно рассмеявшись, он исчез. Они видели лишь его тень, не говоря уже о том, чтобы преследовать его.

Янь Лун, стоя на возвышении, быстро нашел следующую цель. В этот раз он не стал ничего говорить, просто покончил с врагом, не оставив ни следа. В знакомых стенах культа он был полновластным хозяином. События развивались именно так, как он планировал, оставалось лишь дождаться результата.

Он достал из-за пояса белоснежную нефритовую подвеску. Кровь на его руках испачкала нефрит, и ярко-алый цвет на безупречно белом фоне выглядел еще отчетливее. Мягкий лунный свет придавал ему зловещий вид. Янь Лун исчез и вернулся в свою комнату.

Отмыв подвеску дочиста и переодевшись, он покинул культ. Битва всё еще продолжалась, но для этого у него были подчиненные. Если бы он всё делал сам, зачем они тогда нужны?

Вернувшись в поместье, Янь Лун первым делом направился в комнату Чжун Юня. Тот лежал на кровати, как всегда, безупречно аккуратный. Лунный свет падал на его утонченное лицо, делая его еще более притягательным. Ему нестерпимо хотелось коснуться его, но в последний момент он сдержался.

Словно желая что-то скрыть, Янь Лун язвительно усмехнулся. С такой внешностью неудивительно, что о нем невозможно забыть. Но иногда любовь — это смертельный яд. Чем сильнее любишь, тем сильнее ненавидишь.

Он положил нефрит рядом с ним и вышел.

Проснувшись, Шан Сююнь увидел подарок и немного повертел его в руках. В его глазах не было никаких эмоций.

Встав, он как обычно занялся тренировками и отдыхом. Эти два дня Янь Лун, как и прежде, приходил к нему, чтобы полюбоваться садом, поиграть в шахматы или на цитре. А вот тех, кто тайно следил за ним, кажется, действительно не стало.

Прошло еще несколько дней, и Шан Сююнь убедился, что Янь Лун действительно готов отпустить его. У того явно не было добрых намерений, но раз появилась возможность уйти, он не собирался оставаться в его владениях. Даже если за пределами поместья его ждут опасности — это лучше, чем жить с клинком над головой, не зная, когда он упадет.

— Брат Лун, благодарю за гостеприимство, но мое здоровье поправилось, и пришло время прощаться.

Янь Лун, державший чашку чая, замер, затем невозмутимо допил его, поднял взгляд на Шан Сююня и лишь коротко сказал:

— Береги себя. Будь осторожен.

— Берегите себя! — Попрощавшись, Шан Сююнь ушел в одиночестве. Так же, как и пришел — ни с чем. Однако, чтобы он мог уйти без проблем, Янь Лун дал ему немало банкнот, что еще больше сбивало его с толку.

Покинув пределы влияния культа, он заметил, что многие люди в цзянху смотрят на него странно. Раньше на учеников Шаолиня смотрели с восхищением и завистью. Но теперь в их глазах читались настороженность и злоба.

Ученики Шаолиня всегда были честны и открыты, почему же отношение изменилось?

Сидя в постоялом дворе, он несколько раз пытался завести разговор, чтобы узнать новости, но люди шарахались от него, словно он был ядовитой змеей. Нахмурившись, он поднялся в свой номер. Прислонившись к двери, он с помощью внутренней силы стал прислушиваться к разговорам внизу.

— Тот, кто только что поднялся вверх — ученик Шаолиня?

— Кто знает, ученик Шаолиня он или культа? Мастер Ляоу во время осады был тяжело ранен техниками самого Шаолиня. Говорят, он вряд ли оправится. Храм уже распорядился отправить его обратно, а на смену прислали других старейшин.

— Плохие времена нынче...

— Ты еще не знаешь? Мастер Ляоу — еще счастливчик. Глава поместья Улю и его наследник погибли, теперь там осталась только госпожа Тань. Если кто-то на ней женится, ц-ц-ц...

Темы разговоров быстро переключились на сплетни, и Шан Сююнь молча перестал вслушиваться.

<http://bllate.org/book/21693/2237487>